

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ДВЕ МОСКВЫ

Нынешняя Москва – это две Москвы, живущие друг с другом в тесном объятии, по необходимости терпящие друг друга, но разные по происхождению своему, по идеалам и устремлениям. Каждая из них воспринимает вторую как раковую опухоль в своем теле. Каждая хотела бы избавиться от второй, вырезать ее... Но где взять такие силы? Где отыскать таких врачей?

И, однако, двум душам в теле одного города не ужиться. Одна из них покинет Москву, расточится или хотя бы ослабеет до такой степени, что окажется в полном подчинении у другой. Так будет. И хорошо, если трансформация эта пойдет мирным маршрутом, медленно, постепенно. Взятое с бою, надрывно, в ярости и кипении, созданное путем ломки и перекраивания в конечном итоге прочным не бывает. Да и обходится слишком дорого. Поэтому – лучше бы великая борьба приняла формы эволюции, неспешного количественного роста на одной из сторон, перед тем как совершится окончательный качественный переход к ее преобладанию.

Итак, одна душа Великого города – странная, заемная, нечистая. Последнее слово в этом ряду – самое верное. Это именно “нечистый дух”, разрушитель и соблазнитель. Он ничего не производит, он к творчеству не способен, ибо в натуре его нет иных потенций, помимо способности обезьянничать, искать свою корысть, прельщать и подчинять слабые души. Именно он творит тот фантом темной и жестокосердной Москвы, который так ненавидят по всей России. Суть его ложь, фальшь, самозванство; света он не любит, правды опасается. Возрос он из идеала личного комфорта, материального благосостояния и, в конечном итоге, всегда означает приоритет денег.

В Москве слишком много собралось такого человеческого материала, который не только не способен создавать нечто новое, красивое, полезное, но даже и то, что имеется в наличии, не может поддерживать в должном состоянии; более того, когда речь идет об исполнении административных, профессиональных, нравственных обязанностей, уже и они оказываются на втором плане. Тысячи московских чиновников обогащаются, брезгуя своей работой, превращая ее в источник дохода, душу и совесть свою продавая по кусочку ежедневно и ежечасно. Тысячи высших предпринимателей, сойдясь с теми же чиновниками в темном альянсе, высасывают из казны деньги на пустое; и даже взяв из казны на стоящее дело, исполняют его худо, немислимо дорого, а то и вовсе не исполняют, удовольствовавшись дележом добытого. Тысячи их защитников, вооруженных стражей, мыслят о долге своем как о нудной необходимости – устрашая народ, очищая у него карманы.

Что они видят в будущем своем, помимо роскоши – всё возрастающей,

принимаящей самые невероятные формы, близкие уже к бессмыслице, но столь пленительной? Да ничего. Ни города, ни страны, ни народа, ни веры, ни даже самой простой доброты человеческой. Тех, кого интересует нечто большее, выходящее за пределы этой роскоши, они люто презирают. И в среду свою им трудно принять такого человека. Дело их жизни — игры пустоты. Деньги, созданные трудом страны и ее естественными богатствами, обращаются в бумаги административных циркуляров, в воздух спекулятивных операций, в жир, свисающий с боков милиции-полиции, которая ныне вызывает у большинства москвичей страх, а то и неприязнь. Эта Москва слишком обильна дорогими машинами, нелепыми скоплениями геометрических ритмов, которые именуются “бизнес-центрами”, слишком много тратит на роскошь, ни в малой мере не являющуюся необходимостью, слишком цинично соревнуется в том, сколько золота пойдет на очередной монументальный толчок, воздвигнутый в очередном “замке” на Рублевском шоссе.

В искусстве она выражает себя дорогостоящим сумбуром.

Пляски электрических огней на фасадах развлекательных центров, хаотическая разностилица архитектуры, бесконечный кубофутуризм и неоконструктивизм банков, торговых центров, корпоративных барачков... Обыкновенное тупое распутство, выведенное на сцену в немыслимо дорогих декорациях, в немыслимо дорогим техническом оформлении, безголовое и безмысленное. Культ холодного тела. Сентиментальная жвачка. Гыгыкающие интонации. Беллетризация потаенных фантазий безбрежного воинства, навечно прикованного к офисным компьютерам. И очень большое желание заменить тех, кто живет не так, не того желает, не тем силам подчинен, на полки и армии безгласных “гастов”.

Эта Москва распространяет по Российской державе вонь. Не зря у слов “золото” и “золотарь” столь много общего! Золотой блеск бешеной удачи, — триумфа в распутстве, в преступлении, в подлости, но все-таки именно успеха — тянет сюда слабых людей со всей страны. Придите, поклонитесь тельцу, и он, быть может, пожалует, осыплет купюрами! Или даже позволит красоваться на телеэкранах. О, если ты попал в “ящик”, не выполнил ли ты жизненное предназначение?

Поэтому миф, растущий, поднимающийся от этой Москвы, черен. Он обещает: да, там, в пределах МКАД, лежит Эльдorado. Умный, ловкий, энергичный человек может озолотиться с ног до головы, оттерев косных стариков, послав подальше скучных моралистов и отшвырнув со своего пути тупых ленивых коренных москвичей. Спешите! Вас будут звать миллионы. У вас на счету будут миллиарды. Явитесь на поле чудес, приложите ваши способности, деритесь, ломайте хребты, отдавайтесь, даже работайте много, если ничего другого не остается, и ваше будущее обеспечено. Итак, бросьте всё, придите, поклонитесь тельцу...

Рядом с этой душой Москвы, внутри нее, проникая в нее и со стоном выдерживая ответные проникновения, обитает совершенно другая.

Иная душа издревле живет в Великом городе, время от времени обновляясь. Она — Порфирородная, самим Богом призванная властвовать. По сосудам ее течет царственный дух, как тек он по венам Рима и артериям Константинополя, как наполнял он капилляры Иерусалима. Эта душа благородна, чиста, сильна. Ее сила рождается из крепкого стояния на вере. И даже в те времена, когда Христова истина шаталась на Руси, претерпевала гонения, была унижена и опозорена, в Москве она все-таки не теряла корней, жила, выживала, поднималась на ноги после страшных болезней, после многолетнего истощения. Пусть в советское время ее не знали, не могли знать миллионные массы москвичей, но все-таки присутствие ее чувствовалось. Тепло, исходившее от храмов, эстетическое чувство, коим веяло от старинных домов, от древних улиц и переулочков, возведенных предками-христианами, сила земли, шедшая от прекрасных московских парков, и даже обезображенная краса Кремля, когда-то призванного оборонять эту царственность, рождали глухое ощущение прекрасной силы, ушедшей в подвалы души, неотступующей, притаившейся, но все-таки ожидающей своего часа.

Вот она возродилась. Сотни тысяч, быть может, миллионы пошли в храмы, поклонились не тельцу, а приходскому иерею, узнали молитвенное правило, исповедь и причастие. Да хотя бы и те, кто ни разу не бывал в церкви, но все-таки унаследовал от родителей, от дедов и прадедов ум, энергию, ко-

лоссальную русскую жизнестойкость, колоссальное русское трудолюбие, естественную порядочность, доброту, склонность к милосердию, — что ж, и они стоят на фундаменте христианских добродетелей, до сих пор не до конца разрушенных, до сих пор управляющих судьбами Русской цивилизации.

Это другая Москва. Она трудится, не щадя себя. На двух, а если понадобится, на трех работах, честно добывая хлеб насущный. Она делает свое дело, как надо. А по ночам садится за рабочий стол дома, чтобы украсть у сна время, необходимое для творчества. Она не кичится ни богатством, ни пропиской, ни столичным статусом. Она просто подставляет хребтину под вялую тушу первой, пустой Москвы, она пашет, как и вся Россия, она желает изменить положение дел к лучшему, как и вся Россия, она ищет путей развития, — таких, когда каждому даровано будет право расти в меру способностей, обеспечивать себя и свою семью в меру приложенных усилий, относиться к соотечественникам как к одной большой дружелюбной семье, — как и вся Россия...

Эта Москва обладает колоссальной творческой силой. Недаром здесь всегда были в почете разного рода интеллектуальные кружки, студии, сборища художников, писателей, поэтов, ученые общества, клубы разного рода профессионалов, группы высокоумных спорщиков, не вылезавших из дискуссий о высших смыслах бытия. Здесь каждый с бешеным упорством ищет применения личной потенции — творческой, интеллектуальной, художественной. Здесь витальность хлещет через край. Здесь не любят выходные, поскольку они выбивают из рабочего ритма. Впрочем, работать можно и дома. А можно пойти в театр, музей, пройтись по улицам, где сохранилась благородная старина... Здесь презирают бездельников. Здесь свысока посматривают на весь тот гламур, который притягивает к себе искателей приключений из разных концов страны — тот самый, блестящий золото-золотарский... Здесь издавна живут в напряженном ритме, опасаясь “не успеть хоть что-то успеть” в этой жизни.

Иногда кажется, что вторая Москва вся обращена в прошлое. Что она живет еще немного и модернизируется до состояния питательного бульона для сверхсовременной и сверхбессовестной первой Москвы. Что она вконец истает, ничего не останется...

Ан нет, здесь любят не прошлое, а вечное. И выходя из кривых переулочков Ивановской горки, из приарбатского кружева, из тенистых сонных анфилад между Поварской и Тверской, высшие, вечные смыслы посещают великие проспекты московского юга, забредают на пролетарские окраины, тревожат умы навсегда в кафешках на Бульварном кольце.

Москва вторая привыкла к величию и жаждет отыскать продолжения тех ампирических коридоров, которые ведут от времен князей-Даниловичей во времена звездолетов. Коридоры эти пресеклись, своды обрушились, выросли какие-то грязные нелепые двери, перекрывающие дорогу. Но тут всё можно вычистить, отстроить заново, снять с петель лишнее. А лишнее это и есть Москва-первая — скопище ленивого, опасного, подлого люда.

Лучшие символы Москвы-Порфиригениты, и ее же концентрированная совесть — монастыри. Не напрасно столько усилий вложено в их восстановление. И скачущий пульс духовной жизни города сплетен с неподвижным монастырским духом, с тягою москвичей к старинным обителям. Обителями истинная Москва укореняется, обителями славится, обителями очищается, обители придают ей вес посреди бессмысленных пустот стяжательской суеты.

В искусстве Москва вторая выражена через тягу к культурному хранительству. Ее силами реставрируются храмы, особняки, доходные дома в стиле модерн, создаются новые музеи, новые театры, ставятся новые памятники. Среди тех, кто принадлежит духу Порфирородной, любимое развлечение — пройтись по тем улицам, где живы еще прошлые века: с XVI по начало XX века, погружаясь душой и мыслями в мир России, “которую мы потеряли”. В торжественную ее праздничность, в мощь военную, в кипение торгов и купеческие неохватные затеи, в парение времени между перекличкою стрельцов на кремлевских стенах и гомоном салонов пушкинской поры.

Порфиригенита отторгает всё, что идет вразрез с ее державностью. И груды современных бизнес-построек воспринимаются ею как нечто неприличное — большей частью не из-за того, что эта Москва отторгает всё новое, а из-за того, что нет в лихорадочном свечении неоновых ламп, в бетономе-

таллическом месиве абстрактных форм и в утлой роскоши “мерсов” ничего живого. Это не новое, это морок, безвременье, тяжкий хмельной сон, отягощенный кошмарными видениями. Чем тут дорожить? Чем восхищаться? Что продолжает древнюю судьбу Москвы, а не противуречит ей? Пустое отвергается, но ведь на то оно и пустое. Однако лишь только появится нечто родственное багрянородной душе Москвы, так сразу же становится оно своим, срастается с нею нерасторжимо. Например, когда дворец в Царицыне, брошенный еще при Екатерине II, был достроен, мгновенно стал он частью державной Москвы, мгновенно был ею принят. Храм на Бутовском полигоне – плоть от плоти истинной Москвы. Как, впрочем, и величественный Троицкий храм на Борисовских прудах, посвященный тысячелетию Крещения Руси, выполненный в византийском стиле, расписанный Василием Нестеренко со товарищи. Или нарядные храмы святой Троицы в старых Черемушках, Иконы Пресвятой Богородицы “Державная” в Чертанове... Или скульптуры работы Вячеслава Клыкова... Или живопись Павла Нестеренко, Ольги Крестовской, Валерия Харитоновва... Или подземный музей на Манежной площади...

Миф, который порождается истинной Москвой, принимает образ надежды. Москва христианская, византийско-русская, обещает новый рассвет. Обещает мост из прошлого в будущее, пролегающий над грязным болотом настоящего. В этом мифе нет ни тьмы, ни безнадежности. Напротив, он наполнен солнцем, ощущением начинающейся весны, ароматами цветущей черемухи и сирени. И пусть весна эта едва-едва выбирается из грязных, смерзшихся снегов, пусть холодными водами залиты низины, пусть дороги разбрюзгли, а все-таки она неостановимо катится к лету, к очередному расцвету русскому. Москва вторая – навигатор будущей России, прошедшей Второе Крещение и рехристианизирующей мир.

Последние двадцать лет, если не больше, Россия мается толками о конце света. И как великую истину образованные верующие воспринимают известные слова: “Сейчас позднее, чем кажется”.

Крушение Советского Союза, отступление России, страшные потери наши в людях, в культуре, в экономике столь многих заставили почувствовать биение апокалиптического пульса... Сегодня. Днем. Может быть, вечером. В крайнем случае, завтра на заре! Четыре всадника поскачут над холодеющей землей, и ангелы вострубят, и кровью обернется вода, и усталые люди увидят торжество справедливости. Тех, кто столько терпел, поведут в Царствие Христово. И пусть еще куражится антихрист, конечное торжество не за ним.

А может быть, уже он среди нас? Может быть, Последний Суд уже идет, и с книги упали печати, и процесс над людскими душами длится десятилетия, если только не века? Ждете антихриста в гости? Так он на пороге вашего дома! Вот здесь он! Нет, – вон там! И это не человек, это “мысленное обольщение”, его и увидеть-то сумеет далеко не каждый, но всякий, кроме истового праведника, покорится.

В глухих старообрядческих деревнях 90-е обновили уверенность в том, что Апокалипсис переместился из будущего в настоящее. И там твердо знали: антихрист явился, двенадцать черных апостолов его сидят по столицам и творят злое дело.

Время наше обольщает умных, крепко верующих людей сделаться новыми старообрядцами. Забиться в подворотни, убежать в горы, укрыться в пещерах, молчать и трястись. Будто мы не Церковь, а секта. Или бросить в шикарную иномарку гранатой, откопанной на местах сражений Великой Отечественной, выйти на площадь и обличить густой мрак, давящий на грудь, загибающий легкие липкой слизью... Умрем же за аз единый! За старый советский паспорт и в борьбе против ИНН!

Многие, слишком многие испытывают желание совершить какое-то дикое ритуальное самоубийство. С громким молитвенным пением облиться бензином на Красной площади и попросить друга поднести спичку к волосам. Дабы формально на небесах это не было засчитано за смертный грех самоубийства.

И... что?

Вот так, в глухой обороне, провести всю жизнь?

За страхом Божиим – очень полезной, очень важной вещью, вот только не главенствующей в жизни христианина – перестать видеть любовь Господню, перестать ощущать благодать Творения, отложить благодарения Богу за

Его милосердие и щедрость? А потом страх Божий заменить на какое-нибудь чувство, вроде страха глобализации или страха перед тем, что не спросил у духовника, можно ли есть креветок по постным дням?

Не Святая Русь оказывается в кольце фронтов, а душа затравленного, запуганного христианина, готового уйти в затвор, чтобы в затворе найти светлый град Китеж, но находящего только вонючий сырой подвал.

В таких условиях понятие Катехона, или Удерживающего, обретает скверное и мутное значение жестокой силы, которая способна лишь ставить высокие стены, сажать на кол отступников да сберегать последние, крохотные лоскутки света для ничтожной кучки “истинно праведных”.

Но это ли – Катехон?

О Катехоне сказано в том месте 2-го послания святого апостола Павла к фессалоникийцам, где говорится о новом пришествии Христа. Тогда, как и сейчас, нашлись люди, которые считали, что конец близок, а потому бросили свои повседневные занятия и труд. Их вразумлял Павел: “Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду” (Фес. 2:1-12).

О том, что представляет собой Катехон, написано очень много. Смысл понятия “Удерживающий” толковали на разные лады в эпоху Средневековья, обращались к нему и позднее. Сообщество современных интеллектуалов России постоянно творит тексты, так или иначе апеллирующие к этому понятию, хотя к единому толкованию до сих пор православные публицисты не пришли.

Вот наиболее “классическое”, наиболее традиционное понимание проблемы: “Удерживающим, или по-гречески Катехоном, в понимании православной традиции является власть Римской империи, наследницей которой явилась империя Византийская, а за ней – Российская. Катехон будет стоять до последних времен и всегда ограждать не только Церковь, но и нормальное существование человечества, его законное, правовое существование в противовес аномии – беззаконию, демоническому хаосу, несущему смерть не только физическую, но и духовную” (прот. Андрей Новиков). Большую популярность получила идейная платформа, в соответствии с которой надо ставить знак равенства между российским самодержавием и Катехоном, – во всяком случае, для эпохи новой и новейшей истории. Это значит: в ближайшее время самодержавие следует восстановить. А пока реставрации не произошло, сама Царица Небесная занимает монаршее место в России. Когда же чуждое восстановление произойдет, ничего иного ждать не следует – вплоть до Страшного суда. Егор Холмогоров предлагает более широкое определение: “Идея “удерживающего” многообразна и многозначна, не сводясь только к определенной системе власти и к лицу монарха. В некотором смысле “удерживающим” может считаться всё то, что проникнуто Божиим благословением и что препятствует развитию “мистерии аномии” и пришествию вслед за ней антихристового порядка. На одном уровне это может быть геополитический субъект, на другом – государственное установление, на третьем – добрый благочестивый обычай. Однако общий знаменатель всех форм и видов “удерживающего” один. “Сдерживание” антихриста не есть самоцель. Это средство для осуществления другой, стократ важнейшей миссии – спасения человеческих душ. Там, где царит истинный, затронутый благодатью порядок, где не разрушена, по выражению архимандрита Константина (Зайцева), “аппара-

тура спасения”, там большее число людей имеет шанс уберечь свою душу, спасти ее от растления антихристом... Там, где существует защищенный от аномии социум, в котором люди поддерживают посредством социальных связей благочестие друг в друге, там путь человека к Богу надежно огражден от насильственного прерывания”.

Определение Егора Холмогорова хорошо тем, что оно демонстрирует простую истину: там, где Катехон выполняет свою функцию, спасение душ возможно; следовательно, территории, подконтрольные Удерживающему, это земли спасительные. За пределами оных земель возможна лишь погибель, мученическое исповедничество или бегство под сень Катехона. Но взгляд на Катехон как на набор сущностей, а не один какой-то феномен (или, может быть, личность) содержит в себе определенный риск. Возникает соблазн всюду видеть маленькие катехончики. На одном уровне катехончик, на другом, на третьем, на пятом и на десятом по штучке... А в Священном Писании речь определенно идет об одном-единственном Удерживающем.

Итак, если Катехон – сильная власть, предохраняющая общество от анархии, атомизации, нравственного разложения и обеспечивающая “территорию спасения” для христиан, то он не должен ассоциироваться исключительно с осажденной крепостью. Парадоксальным образом, Катехон – это еще и армия, осаждающая неприятельскую крепость, ведущая наступление.

Рим Первый, Рим Второй и Рим Третий в цветущем своем состоянии не только позволяли христианству “удерживать стены”. Нет! Они давали ему возможность невероятно расширить пределы “территории спасения”.

В Древнем Риме происходило первичное освоение Христовой верой Средиземноморья. Рим второй позволил расширить миссионерскую деятельность далеко за пределы Империи. Рим Третий, помимо собственно-русской, коренной территории, проповедовал слово Христово на колоссальном пространстве от Кольского полуострова до приамурских земель, от Печенги до Анадыря. Речь шла не только и даже не столько о том, чтобы не пустить к себе в дом чужое тлетворное влияние – дом был крепок и любое поветрие подобного рода унималось, не успев набрать силы. Но духовенство наше смело шагало в незнаемые края, на дикие земли, в глушь, доселе не знавшую креста, и там утверждало истину.

Что ж теперь, забыть обо всем этом? Оставить несчастному, сжавшемуся, едва живому Катехону функцию простого ночного сторожа с ключами от бесчисленных ворот и берданкой за плечами?

Ни в коем случае.

Ибо у него опять появилась территория, где необходима проповедь, где маленькие “островки спасения” всё никак не сомкнутся в единое пространство.

Христианство изветшало и в России, и в Америке, и, особенно, в старой Европе. Прохудилось, дыра на дыре, и уже не хватает материала на заплаты, а потому нужен новый материал на замену старому. Иными словами, *речь идет о необходимости рехристианизировать колоссальные регионы, где вера Христова была проповедана очень давно, укрепилась, прожила многовековую жизнь, порой весьма богатую в культурном смысле, и умерла. Или, во всяком случае, находится в предсмертном состоянии. Теперь нужна ее реставрация, никак не связанная с незначительными “количественными” улучшениями. Нужно очищение, несущее в себе мощный заряд культурных ограничителей, без которых европейское и – шире – европеизированное общество расплзается на гнилые тряпки, травится оккультизмом, принимает провинциальных азиатских гуру как великих духовных учителей, кланяется шаманам, заглядывается на прелести вуду... да и просто впадает в состояние варварства. Первобытная аномия всё больше превращается в идеал, и нет средства, противостоящего ей, помимо рехристианизации.*

Области Европы, обладающие высокой культурой со времен античности, в том числе земли Франции, Германии, сверхмодернизированного Бенилюкса, с точки зрения веры ныне могут рассматриваться наравне с Амазонией. С тем незначительным отличием, что кое-где всё еще работает полиция и весьма строго взимаются налоги. И христианскому проповеднику следует действовать в каменных лесах мегаполисов точно так же, как его коллеги действуют где-нибудь в тундре или тропических джунглях.

Рехристианизационная волна может прийти только от православия. Многочисленные деноминации протестантизма и разваливающееся на глазах еди-

ное сообщество католиков избрали путь адаптации к варварству, то есть постепенной собственной варваризации.

Христианство в современной европеизированной ойкумене представляет собой россыпь островов в унылом океане культурной невнятицы, мешанины всего со всем, первобытного магизма. Или, может быть, не россыпь островов, а, скорее, ожерелье крепостей посреди пустыни.

Возрождение катехонической власти означает прежде всего “укрепление обороны”, а начало наступления. Войско выйдет из крепостей и примется преобразовать пустыню в сады, иными словами, увеличивать ту самую территорию спасения... Как только новый “Удерживающий” окрепнет, ему предстоит миссия, превосходящее всё то, что может быть поставлено в заслугу предыдущим “Удерживающим”. Речь идет о духовном просвещении Старого Света. Земли, от которых, по причине собственного бессилия и общей варваризации, отступили католики и протестанты, земли, где кирхи и католические церкви переходят к мусульманам, пестрым сборищам нью-эйджевцев, да просто используются как здания для удовлетворения каких-то светских нужд, эти земли должны постепенно переходить под церковную юрисдикцию православных иерархов. Эра католического прозелитизма исчерпана. Начинается эра неспешного перекрещивания католиков и протестантов в истинную веру, а в первую очередь тех, кто опустился до утраты всякой осмысленной религиозности. Хотелось бы подчеркнуть: успех этой новой глобальной миссии измеряется не только и даже не столько тем, сколько удастся крестить таджиков, китайцев, корейцев или индусов, но прежде всего тем, сколько русских и европейцев окажется в крестильной купели.

Москву часто ассоциируют с теми образами, которые стали частью ее культурного лица еще в XVI веке. Тогда ее часто называли вторым Иерусалимом, видя в Великом городе центр, где истинная вера сохраняется в чистоте и неприкосновенности, видя в нем также своего рода каменную чашу, куда перелилась благодать из Иерусалима древнего и иных городов, претендовавших на эту роль, – например, Киева. Реже именовали Москву Третьим Римом – новым средоточием имперской власти, оберегающей христианство. Впоследствии амплуа Третьего Рима оказалось ведущим. Роли эти красивы, и хорошо будет, если град Москов вернется к полноценному их исполнению. Пока российская столица тянет груз собственного предназначения... слегка. В полруки. Не решаясь впрячься по-настоящему.

Однако сейчас одних этих старинных ролей недостаточно. Помимо гордого звания “Третьего Рима” и “Второго Иерусалима” городу пора становиться “Москвой единственной”. А Москва единственная представляет собой город, откуда пойдет великая христианская реконкиста. Соответственно, миссия города – создать плеяду конкистадоров, способных повернуть в верном направлении колесо истории, погружающее христианство в закатную мглу.

Кому этим еще заняться, помимо Москвы?

Какой православный центр способен на это?

Уж верно, не Константинополь, первый по “чести” среди восточнохристианских иерархий, но в политическом и экономическом отношении совершенно бессильный. Фанариоты слишком несамостоятельны и слишком далеко ушли по пути подчинения внешним силам, чтобы претендовать на подобную роль. Верно сказано: “В ситуации вызовов различных глобальных идеологических систем современного мира Православная Церковь нуждается в собственном глобальном проекте – проекте мировой православной экспансии, – то есть последовательной борьбы за единственную Истину. Идеологическим, геополитическим и стратегическим центром этого глобального Православного проекта может быть только Россия...” (Елена Малер-Матиязова).

Можно долго, приводя веские аргументы, спорить о том, за каким из центров православия накоплено больше благочестия, больше святости и т. п. Но, во-первых, серьезная государственная сила может сопутствовать усилиям одной лишь Московской патриаршей кафедры. И, во-вторых, Русская церковь на протяжении XX века претерпела такой опыт мученического исповедничества за Христову веру, жизни в столь враждебных условиях, коих Фанар давно не знает. Наши архиереи, священники, дьяконы и простые иноки, умирая за веру, принимая жестокие испытания, теряя всякую надежду, помимо упования на Божью милость, создали духовную основу, на которой всякая ложь и фальшь церковной жизни слишком хорошо видна. И эта чистота, очищаю-

щая всё кривое и несправедливое, что может встать рядом с нею, – лучший фундамент для грядущей христианской реконкисты.

Чего не хватает Москве для того, чтобы приступить к исполнению этой новой роли? Не материальной мощи и не веры. Постепенно множится вера, и к тому моменту, когда потребуются действия, ее станет достаточно.

Нет. Не в том камень преткновения.

Сегодня Порфирородной требуется одно: уничтожить в себе то странное двоедушие, которое раздирает город. Москва-темная, Москва-пустая, Москва-тьма должна согнуться.

Тогда у светлой ее души хватит сил на самую великую миссию.